

Обсерво

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПРИ ФРАНКО-РОССИЙСКОЙ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ

CCI FRANCE RUSSIE

ФРАНКО-РОССИЙСКАЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

В поисках забытой войны: Первая мировая война в российской исторической политике и памяти

Эмилия Кустова
Записка Аналитического центра Обсерво,
№7, октябрь 2014

Автор

Эмилия Кустова (PhD, доцент) преподает историю России и Советского Союза на кафедре славистики Страсбургского университета. Член исследовательской группы GEO (Страсбургский университет) и научного центра Серсес (Ehess/Cnrs). Автор публикаций по истории советских революционных празднеств и политических ритуалов; сталинских депортаций и возвращения со спецпоселения; исторической памяти в современной России. В настоящее время работает над проектом, посвященным истории советской системы информации и пропаганды в годы Второй мировой войны.

Обсерво, Аналитический центр при Франко-русской торговой-промышленной палате

Аналитический центр Обсерво был основан в марте 2012 г. по инициативе Экономического совета Франко-русской торговой-промышленной палаты (CCIFR). Задачами Аналитического центра Обсерво являются осуществление комплексного экспертного анализа России, а также способствование лучшему пониманию французских реалий представителями российской политической и экономической элиты. Центр Обсерво выпускает аналитические записки и Ежегодный обзор, посвященные России. Центр также организует конференции, семинары и пресс-конференции в Париже, Москве и в российских регионах. При Аналитическом центре Обсерво действует Научный совет, члены которого принимают активное участие в его работе. Научный совет объединяет 14 французских и российских ведущих экспертов. В него входят Ален Блум (Alain Blum), Паскаль Бонифас (Pascal Boniface), Пьер Копп (Pierre Kopp), Жан Радвани (Jean Radvanyi), Мари-Пьер Рэ (Marie-Pierre Rey), Жорж Соколофф (Georges Sokoloff), Изабель Факон (Isabelle Facon), Евгений Гавриленков, Сергей Караганов, Наталия Лапина, Федор Лукьянов, Руслан Пухов, Константин Симонов, Татьяна Становая.

Содержание

2	Автор / Центр Обсерво
3	Содержание
4	Введение
7	Зачем России память о Первой мировой войне?
11	Изобретая отсутствующую традицию
22	Заключение

Введение

Среди определений, звучащих сегодня в России по поводу Первой мировой войны, пожалуй, чаще всего встречается слово «забытая». На протяжении долгого времени этот конфликт, который стоил российской армии более 1,8 млн человек и вызвал глубочайшие политические и социально-экономические потрясения, приведя к падению царского режима и возникновению советской системы, оставался на периферии национальной истории и исторической памяти. Причины такого забвения хорошо известны: в официальной большевистской риторике эта война клеймилась как «империалистическая», навязанная народу проклятым царизмом, тогда как в коллективной памяти она сливалась с революцией и гражданской войной, образуя вместе с ними единую череду конфликтов, лишений и насилия длиной почти в целое десятилетие. При этом если опыт революции и гражданской войны стал основой для – нередко целенаправленного – создания исторической мифологии, со своими символами и пантеоном героев, то наследие Первой мировой войны было быстро вытеснено на периферию¹. А три десятилетия спустя центральное место в коллективной памяти, а затем и в официальной коммеморативной культуре суждено было занять Второй мировой войне, за которой – в отличие от предыдущего конфликта – прочно закрепилось название «отечественной». Сегодня, как никогда раньше, именно эта война является стержнем всей российской мемориальной системы.

«Забвение» Первой мировой войны не было, разумеется, ни полным, ни систематическим. Оно распространялось, главным образом, на публичную мемориальную культуру, тогда как научная литература, посвященная этому конфликту советскими, а затем российскими историками, является весьма внушительной, несмотря на до сих пор наблюдаемый недостаток в обобщающих трудах, а также некоторые лакуны и перекосы методологического и тематического характера. С 1990-х гг. история Первой мировой войны привлекает к себе внимание растущего числа историков – в контексте общего обновления историографии, пересмотра истории дореволюционного периода и обостренного интереса к «белым пятнам» отечественной истории.

¹ Подробный анализ памяти о Первой мировой войне в СССР, в частности, в первые послереволюционные десятилетия, можно найти в: K. Petrone, *The Great War in Russian Memory*, Indiana University Press, 2011. О мемориальной культуре, связанной с революцией, см.: Frederick C. Corney, *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*, Cornell University Press, 2004.

Обзору этой историографии посвящено немало публикаций (в том числе последняя статья Александра Зумфа на французском языке²), поэтому мы сосредоточимся здесь на рассмотрении исторической политики, связанной с Первой мировой войной, а также места, занимаемого ею в современной российской мемориальной культуре.

Беглого знакомства с российской прессой достаточно, чтобы заметить, что «забытая» когда-то война стремительно возвращается на передний план российской коммеморативной сцены. Возрождение интереса к ней касается не только (или даже не столько) научного сообщества. Оно заметно прежде всего в публичной сфере. На протяжении последних двух лет представители высшего руководства страны: от президента В. Путина и председателя Государственной думы С. Нарышкина до руководителя Администрации президента С. Иванова и министра культуры В. Мединского – неоднократно выступали с призывами вернуть Первой мировой войне заслуженное место в национальной истории и коллективной памяти россиян. За этими заявлениями последовал ряд правительственных инициатив: так, начиная с 2013 г. Россия отмечает 1 августа «День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914-1918 гг.»; С. Нарышкин возглавил оргкомитет по подготовке мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны; было принято решение воздвигнуть ряд памятников в память о погибших воинах и открыть в Царском селе первый музей, посвященный истории этой войны. Мероприятия, связанные со столетней годовщиной Первой мировой войны, фигурируют среди приоритетных направлений деятельности большинства государственных учреждений культуры, от Министерства культуры до Российского исторического общества (РИО) и Российского военно-исторического общества (РВИО). Программы общенационального уровня дополняются инициативами на местах, исходящими от региональных властей, частных фондов, университетов, общественных и научных организаций.

Разумеется, такой рост интереса к Первой мировой войне во многом обусловлен приближением ее столетней годовщины. Это, кстати, заставляет кого-то опасаться столь же быстрого спада интереса после того, как закончится юбилейный 2014 г. Тем не менее, нам представляется, что речь идет о

² А. Sumpf, L'historiographie russe (et soviétique) de la Grande Guerre, Histoire@Politique. Politique, culture, société, n° 22, janvier-avril 2014 [www.histoire-politique.fr]. На русском языке, см., например: И. Гребенкин, И. Белова, Первая мировая: Великая «забытая» война / Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011 г.

более глубокой тенденции, не сводящейся к юбилейной конъюнктуре (что, заметим, еще не означает успешности попыток включить Первую мировую войну в российскую историческую память). Чтобы понять эту тенденцию, необходимо рассматривать ее в контексте всей «исторической политики», проводимой российскими политическими элитами³. История является сегодня в России одновременно объектом и инструментом политики. Это означает прежде всего выработку и максимально широкое внедрение – с помощью коммемораций, кинематографа или, к примеру, создаваемого в настоящий момент «единого учебника» истории для средней школы – нормативного видения национального прошлого, с одновременным созданием механизмов, позволяющих отсеять или вытеснить на периферию альтернативные варианты⁴.

Эти меры по «выравниванию» и монополизации исторического поля преследует политические, дидактические и пропагандистские цели. История интересует российское руководство прежде всего в качестве инструмента, служащего воспитанию патриотизма, спайке нации, укреплению национальной идентичности или даже выработке государственной идеологии. Помимо этих средне- или долгосрочных целей она также нередко выступает в роли аргумента, служащего легитимации текущих политических решений, мобилизации сторонников и дискредитации противников, как это показало, например, использование «фашистской» и «бандеровской» этикеток в ходе украинского кризиса.

³ См. о понятии «исторической политики» и обзор этого явления в странах Восточной Европы и России: Историческая политика в XXI веке / Под редакцией М. Липман и А. Миллера. М.: НЛО, 2012 г.; А. Ассман. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014 г. Среди недавних публикаций, рассматривающих вопросы исторической политики в России, назовем: Н. Копосов. Память строгого режима. История и политика России. М.: НЛО, 2011 г.; Исторические исследования в России. Ук. соч.; S. Ouchakine. Remembering in Public: on the Affective Management of History. Ab Imperio. 2013. №1. С. 269-302; E. Koustova. La Russie en quête d'une histoire nationale / Revue internationale et stratégique. №92. С. 65-73.

⁴ Одним из таких механизмов является принятый в апреле 2014 г. мемориальный закон, карающий, в том числе отрицание фактов, установленных Нюрнбергским судом, и «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». См. об истории создания в России мемориального законодательства: Н. Копосов. Память в законе / Русский журнал. 8 апреля 2014 г. [<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>].

Зачем России память о Первой мировой войне?

Новый «национальный роман», который пишется сегодня в России с помощью заявлений руководства, кампаний в СМИ, образовательных и коммеморативных политик, призван прежде всего обеспечить такой исторический нарратив, который будет способен, по словам президента, «связать воедино исторические эпохи» и отразить тот факт, что у России «единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития»⁵. Как же включить в него Первую мировую войну – важнейшее и при этом весьма проблематичное событие, расположенное на разломе, на стыке имперского и советского периода и подчеркивающее противоречия между этими двумя историческими, мемориальными, идеологическими блоками, которые призван объединить новый российский исторический нарратив? Такая интеграция требует основательного пересмотра и подгонки интерпретативных и коммеморативных схем, причем порой попытки решить эту задачу напоминают поиски квадратуры круга.

В условиях столь распространенной сегодня реабилитации дореволюционного периода, династии Романовых вообще и последнего императора Николая II в частности невозможно сохранить принятую в советские годы схему, согласно которой Первая мировая война в России одновременно продемонстрировала несостоятельность царизма и в то же время явилась своего рода необходимым злом, так как неудачи на фронте и порожденные войной трудности ускорили революцию. Этот подход позволял оправдать досрочный выход России из войны, купленный ценой огромных территориальных потерь, необходимостью спасти молодую советскую республику. Радикально противоположная точка зрения, видящая в большевистском режиме воплощение зла, в определенном смысле облегчает интерпретацию Первой мировой войны, позволяя, например, объяснить неудачи царского правительства предательством со стороны части элит или кознями заговорщиков, финансируемых из-за рубежа, но такое видение трудно примирить с положительной, в целом, оценкой советского опыта, которая широко представлена в официальном дискурсе и, видимо, разделяется большинством населения.

⁵ Послание Президента Федеральному собранию, 12 декабря 2012 г.: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.

В июне 2012 г. российский президент предложил собственный вариант выхода из этого мемориального тупика. Отвечая на вопросы сенатора А. Лисицына, активно занимающегося программами по увековечиванию памяти о 1914 г., он кратко сформулировал свое видение Первой мировой. Решительно отвергнув традиционное для советской исторического дискурса определение этой войны как «империалистической» и подчеркнув, что Россия, как и другие страны, защищала в ней свои геополитические интересы, В. Путин заявил, что этот конфликт ничем по сути не отличается от Великой Отечественной войны. По его словам, традиционное «замалчивание» этой войны объясняется тем, что большевики хотели заставить забыть о совершенном ими в Брест-Литовске «национальном предательстве». Однако, поспешил добавить президент, советские руководители «искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны»⁶.

а) Военная история на службе патриотизма

Эта трактовка Первой мировой войны, на которую теперь часто ссылаются участники процессов мемориализации и средства массовой информации, представляет собой характерный пример методов, используемых для устранения возможных противоречий и объединения имперской и советской эпох в рамках однородного исторического нарратива, выстраиваемого по модели *historia magistra vitae*. Этот подход отличается значительным синкретизмом и прагматизмом: в новый исторический нарратив «неразрывной тысячелетней истории», призванный обеспечить нации «внутреннюю силу и смысл», включается все, что способно служить прославлению России – великого, мощного государства, стоящего над историческими эпохами, идеологиями и политическими режимами.

Национальная история оказывается, таким образом, одним из стержней и основ патриотизма, понимаемого как абсолютная любовь к родине и безусловная преданность по отношению к государству и правительству. Будучи одним из ключевых понятий российской публичной жизни, патриотизм подразумевает одновременно определенную модель морали и форму отношений между гражданином и государством⁷. Отечественная история и, в частности, военная ее область играют ключевую роль в обосновании патриотизма – подобно тому, как военные и полувойенные организации занимают центральное место в государственной системе патриотического воспитания.

⁶ Ответы Президента РФ В.В. Путина на вопросы членов Совета Федерации, 27 июня 2012 г. <http://news.kremlin.ru/transcripts/15781>.

⁷ См. F. Daucé и др. *Les usages pratiques du patriotisme en Russie / Questions de recherche*. №32. CERI – Sciences Po. 2010.

Несмотря на явное предпочтение, которое отдается победоносным войнам, имеющим бесспорные легитимные цели (например, Вторая мировая война и 1812 г.), история других конфликтов также находит место в этом историко-патриотическом нарративе – при условии, что они способны дать примеры героизма, верности родине и воинскому долгу. Не является исключением и память о Первой мировой войне, которая должна занять место рядом со Второй мировой, а также другими, менее известными или более спорными конфликтами, например советско-финской войной 1939-40 гг. и афганским конфликтом.

В то время как история сражений учит патриотизму, обеспечивая примеры героизма и самопожертвования, чествование памяти павших дает возможность в мирное время выполнять долг гражданина и патриота. В случае Первой мировой войны такой «долг памяти» приобретает особое моральное значение, так как речь идет о том, чтобы восстановить, по словам многих акторов коммемораций, «историческую несправедливость» в отношении забытых героев. Квинтэссенцию такого подхода можно найти на сайте Российского военно-исторического общества⁸:

Память о трагических и славных днях военной истории Отечества – одна из опор возрождения России [...] Участие России в 1-ой мировой войне – одна из славных страниц военной истории, которая не получила еще достаточного освещения, не оценена и роль страны в этой войне. Сегодня для многих россиян война является неизвестной и безымянной. А она породила героев, которые отдали свои жизни «за веру, царя и отечество». Вернуть память о них – наш долг потомков.

6) Постоянная актуализация прошлого

К этому моральному и патриотическому уроку нередко добавляется другой, политический. Речь идет о (пере-)осмыслении прошлого с позиций настоящего, наделении его смыслами, продиктованными текущей внутри- и внешнеполитической ситуацией. В обоих случаях история Первой мировой войны делает возможными множественные презентистские прочтения, обладающие значительным потенциалом для перекодировки смыслов и позволяющие, например, перейти от риторики примирения (внутри российского общества или в отношениях с Европой) к напоминаниям об «исторических уроках», звучащим порой как едва завуалированные угрозы.

⁸ <http://histrf.ru/ru/rvio/rvio/materiali-syezda/item-47>.

Будучи тесно связанной с историей революции и гражданской войны, Первая мировая война делает возможным обращение к широкому спектру тем, кажущихся актуальными для современной российской политической и общественной жизни. Так, она позволяет затронуть вопрос отношений между лидером, элитами и народом; напомнить об опасности, которую несут с собой конфликты внутри общества, и существовании сил, готовых ими воспользоваться в своих целях; вспомнить о хаосе, катастрофах и последовавшем возрождении России из пепла и восстановлении ее прежних границ... Если в выступлениях российского руководства эти параллели звучат скорее в виде намеков, то в устах других акторов исторической политики и патриотического воспитания они нередко облекаются в более эксплицитную форму, напрямую отсылающую к событиям текущей политической жизни и призывающую немедленно вынести уроки из истории прошлого⁹:

Первая мировая война в историческом контексте показывает и учит нас тому, что великая страна может исчезнуть с карты мира в результате отсутствия взаимопонимания внутри власти и общества. Великая Российская империя, обладая значительными ресурсами, могла выйти победительницей из Первой мировой войны, однако этому помешали внутривластные факторы, среди которых важнейшим является раскол элит. В результате нежелания идти на компромисс, произошла Февральская революция, которая нарушила традиционный механизм управления государством. Всё это привело к разброду и шатанию в армии и закончилось Октябрьской революцией с Гражданской войной. В наше время можно увидеть тревожные тенденции, подобные предвоенным событиям, когда общественные и финансовые круги, манипулируя общественным мнением и дискредитируя российские ценности, настоящее и будущее, стимулируют раскол в обществе. Именно на примере Первой мировой и последующего времени, мы видим тот громадный исторический урок, который не должен пройти напрасно.

⁹ Методические рекомендации по реализации Всероссийского молодежного проекта «Великая забытая война», осуществляемого федеральными агентствами Росмолодежь и Роспатриотцентр, см. <http://1914-18.ru/>.

Изобретая отсутствующую традицию

Обращение к истории Первой мировой войны, переоценка роли России в этом конфликте и ее вклада в победу Антанты неизбежно ставит вопрос об ее отношениях с Европой, ее месте в европейском историческом, мемориальном, политическом пространстве. Результаты актуализации памяти о Первой мировой войне в международной перспективе также нередко носят вариативный, многозначный, порой противоречивый характер.

На первый взгляд, история этого конфликта служит прежде всего напоминанием о традиционной включенности России в европейскую политику и историю, а его коммеморация обеспечивает конкретные возможности для развития связей с другими странами. Действительно, в большинстве статей, докладов, проектов, посвященных коммеморации Первой мировой войны, европейские страны упоминаются в качестве примера того, что предстоит сделать России, чтобы выполнить «долг памяти» и включить эту историю в национальное мемориальное пространство. Подготовка к столетнему юбилею открывает возможности для развития контактов с европейскими странами на почве совместной репрезентации общего прошлого. Руководители российских учреждений, на которые была возложена подготовка к юбилею, неоднократно подчеркивали необходимость включить отечественные инициативы в зарубежные программы. Некоторые из них встречались с этой целью с представителями других стран. Так, осенью 2013 г. В. Мединский обсуждал с министром культуры Франции О. Филиппетти предстоящие церемонии в честь 70-летия высадки союзников в Нормандии и столетия Первой мировой войны. В апреле 2014 г. в Париже прошел международный круглый стол «Первая мировая война: культура и память», организованный по инициативе Москвы, с участием российских парламентариев. Коммеморация Первой мировой войны также упоминается (и иногда используется) в качестве возможности для развития сотрудничества со странами Восточной Европы, делившими судьбу России во время конфликта.

Эта «коммеморативная дипломатия» в значительной мере зависит от состояния отношений между Россией и европейскими странами, подобно тому как трактовка истории Первой мировой войны в устах российских лидеров несет на себе отпечаток политической ситуации. Тенденция использовать память о войне для того, чтобы подчеркивать связи и долгую историю альянсов между Россией и европейскими странами, отнюдь не является

единственной. В любой момент она может уступить место другой интерпретации, которая представляет Россию в качестве одновременно ключевого участника европейской и мировой политики и жертвы неблагодарных союзников, не только оплативших интервенцией за победу, купленную жизнью русских солдат, но и не сумевших обеспечить сколь-либо длительный мир в Европе. Умеренный вариант такого прочтения прозвучал в выступлении В. Путина перед участниками Клуба Валдай в сентябре 2013 г. Он использовал историю Первой мировой войны для того, чтобы напомнить, что стабильность и мир в Европе невозможны без активного участия России:

Хочу напомнить, что и Венский конгресс 1815 года, и ялтинские соглашения 1945 года, принятые при очень активной роли России, обеспечили долгий мир. Сила России, сила победителя в эти поворотные моменты проявлялась в благородстве и справедливости. И давайте вспомним Версаль, заключённый без участия России. Многие специалисты, и я с ними абсолютно согласен, считают, что именно в Версале были заложены корни будущей Второй мировой войны. Потому что Версальский договор был несправедлив по отношению к немецкому народу и накладывал на него такие ограничения, с которыми он в нормальном режиме справиться не мог [...]10.

Несколько месяцев спустя, в контексте украинского кризиса Российское военно-историческое общество, возглавляемое министром культуры В. Мединским, предложило на страницах своего сайта гораздо более эксплицитный и напрямую связанный с текущими событиями вариант такого прочтения. Первая мировая война стала поводом не только заявить об ответственности бывших союзников России за развязывание Второй мировой войны, но и предостеречь против новой волны европейского «фашизма»:

Фашизм опять идет из Европы! ...Зарожден фашизм в окопах Первой мировой, под удушливыми газовыми атаками, в голодных неотопляемых домах Германии, когда Франция и Англия жировали, разгромив врага, не особо заботясь о последствиях. Тогда и родился фашизм. Лютый, холодный, прожигающий души и сердца насквозь...11.

¹⁰ Стенограмма итоговой пленарной сессии Международного дискуссионного клуба Валдай, 19 сентября 2013 г.: <http://kremlin.ru/transcripts/19243>.

¹¹ <http://histrf.ru/ru/rvio>.

Главная страница сайта РВИО (принт-скрин, 26 мая 2014 г.)

Наблюдая попытки включить историю Первой мировой войны в российский мемориальный нарратив, мы постарались понять их причины и возможные цели использования памяти об этом событии. Теперь нам предстоит остановиться на том, каким образом происходит изобретение новой коммеморативной традиции в рамках этой исторической политики.

Анализ причин растущего интереса к войне 1914-1918 гг. со стороны российских политических элит позволил, в том числе отметить ряд трудностей, связанных с попытками ее включения в коллективную память. Изобретение этой традиции идет на заминированном поле, одновременно перегруженном и пустом. Оно перегружено смыслами, которые потенциально противоречат друг другу или с трудом вписываются в существующие схемы, тем более что это мемориальное сооружение строится в непосредственной близости к другому, занимающему центральное место и, как ни одно другое, нагруженному эмоциями – памяти о Великой Отечественной войне. В то же время речь идет о (почти) пустом пространстве, состоящем из отсутствий, лакун и забвений. Здесь все еще только предстоит обрести или изобрести, почти *ex nihilo* создавая места памяти, ее символы, предметы, героев – и все это в отсутствие живых свидетелей и в условиях стертой или маргинализованной индивидуальной и семейной памяти. Подобно тому, как в публичном пространстве нет музеев и почти нет памятников павшим в 1914-1918 гг., в российских семьях отсутствуют материальные следы этой войны: редки дома, в которых сохранились связанные с ней документы, фотографии, предметы, и где до живущих сегодня поколений дошли отголоски рассказов о тех событиях.

Итак, мы предлагаем ниже краткий обзор того, что делается сегодня в России с целью включения Первой мировой войны в систему публичных коммемораций и пространство коллективной памяти. Большинство этих начинаний связано с подготовкой к столетнему юбилею; его приближение способствовало в последние два-три года разворачиванию инициатив и их координации. Рассказывая об этих проектах: музеях, памятниках, фильмах, выставках, энциклопедиях – мы постараемся показать, каким образом их авторы пытаются заполнить лакуны и ответить на другие мемориальные вызовы, связанные с историей Первой мировой войны. На момент написания статьи большинство проектов еще только готовилось и должно было увидеть свет начиная с августа 2014 г. Тем не менее, имеющаяся информация об этих и других, уже осуществленных проектах позволяет сделать ряд наблюдений и предположений.

а) Отсутствующие места памяти на утраченных территориях

Периферийный, стертый характер памяти о Первой мировой войне проявляется прежде всего в почти полном отсутствии связанных с нею публичных мест памяти: кладбищ, памятников, музеев, мемориальных комплексов, расположенных на полях сражений. В силу отсутствия интереса, а порой и враждебного отношения со стороны советских властей, такие места памяти либо не были созданы (например, музеи), либо оказались заброшенными, а нередко и полностью разрушенными (кладбища). Эта ситуация объясняет, почему в обсуждении проблем коммеморации Первой мировой войны такое место занимает риторика «долга памяти», заставляя провозглашать в качестве приоритета поиск захоронений и сооружение памятников павшим.

Эти усилия, однако, сталкиваются с дополнительной трудностью – почти полным отсутствием на территории Российской Федерации мест сражений. В результате распада имперского государства, царского, а потом советского, и потери «национальных окраин», регионы (прибалтийские, украинские, белорусские), являвшиеся театром боевых действий в 1914-1918 гг., больше не входят в состав России. Помимо фантомных болей, которые грозит разбудить напоминание о недавней травме, вызванной распадом Советского Союза, это ставит перед организаторами коммемораций проблему практического толка: как материализовать и укоренить память в пространстве, где не происходило боев и других форм насилия, которые обычно составляют фундамент мест памяти о войне (достаточно вспомнить, например, кладбища и военные мемориалы, которым усеяны восточные области Франции)? В этой ситуации было опробовано несколько решений.

Первое применяется в единственном регионе, составляющем исключение – в Калининградской области, которая в 1914 г. была театром важных сражений с германской армией. Заметим, что в ту эпоху и вплоть до 1945 г. эти земли, будучи частью Восточной Пруссии, принадлежали Германии. Сегодня Калининградская область, на территории которой находится несколько десятков, а то и сотен мест захоронений солдат, павших в годы Первой мировой, является одним из ключевых пространств российской коммеморации предстоящей годовщины. В 2014 г. должно состояться открытие федерального музея и большого памятника павшим (скульптор С. Щербаков) в Калининграде, а также военно-исторического мемориала в Гусеве (ранее Гумбиннен), где в августе 1914 г. произошло одно из первых крупных сражений на восточном фронте, закончившееся победой российской армии.

Кроме того, в местах крупных захоронений (в том числе вблизи нескольких не сохранившихся до наших дней военных кладбищ) будут установлены памятные знаки и мемориальные доски. Эти меры являются, однако, недостаточными, учитывая большое число и нередко катастрофическое состояние захоронений, расположенных в области. Общее их количество неизвестно, при этом в силу особенностей российского законодательства нередко даже установленные места захоронений не имеют статуса кладбища или исторического памятника¹².

За исключением Калининградской области большинство могил воинов, павших в Первой мировой войне, находится вне пределов Российской Федерации, вблизи полей сражений, расположенных на территории Восточной Европы или – в случае солдат экспедиционных корпусов и военнопленных – в Южной и Западной Европе. Именно поэтому принятый правительством «План основных мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны», предусматривает, к примеру, восстановление православной часовни на кладбище военнопленных в Больцано (Северная Италия) и русского некрополя в Белграде, а также поиск и восстановление мемориалов в Западной Украине. Разумеется, эта часть коммеморативной программы в особой степени зависит от текущих политических событий. Так, в апреле 2014 г., по выражению газеты *Le Monde*, «столкновение между прошлым и настоящим» привело к отмене визита В. Путина в Курси (департамент Марн), где он должен был участвовать в церемонии открытия памятника российским воинам, павшим в ходе Наступления Нивеля 1917 г.¹³

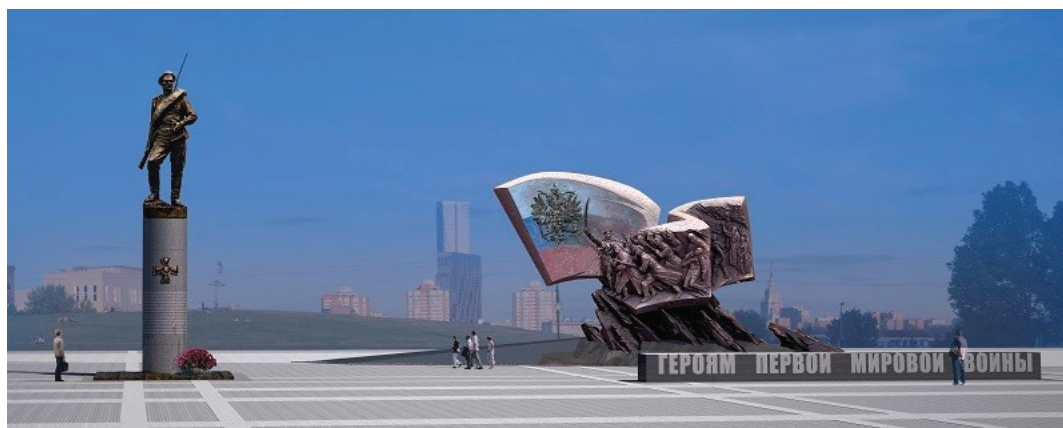
Наконец, следует упомянуть, что материальные следы памяти о павших теоретически можно найти и в других уголках России – прежде всего там, где в годы войны возникли военные кладбища, на которых хоронили солдат, скончавшихся от ранений в тыловых госпиталях. Одним из первых в годы войны было создано Московское Братское кладбище, расположенное в районе Сокола. После революции воздвигнутые там часовня и памятники были разрушены, территория кладбища превращена в парк, а затем частично застроена. В годы перестройки по инициативе частных лиц и общественных организаций было начато восстановление памятников, и спустя некоторое время мэрия Москвы дала согласие на воссоздание здесь мемориала.

¹² Если в 1939 г. в Восточной Пруссии находилось около 2200 захоронений (в т.ч. 500 отдельных могил), то в 1945 г. их было около 1200. По подсчетам одного из специалистов, в 2011 г. здесь насчитывалось 66 памятников и около 70 братских могил (К. Пахалюк. Захоронения и памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области / Военная археология. 2011 г. №6. С. 52 -59 [<http://www.august-1914.ru/pahalyk.html>]).

¹³ *Le Monde*, 6 апреля 2014.

Он был открыт в 2004 г. и стал главным местом памяти о Первой мировой войне в Москве.

Сегодня, однако, другое место претендует на то, чтобы стать центром юбилейных церемоний. Речь идет о площадке, где осуществляется ключевой правительственный проект, посвященный столетней годовщине – сооружение большого памятника павшим. С самого начала все было сделано для того, чтобы придать этой инициативе максимально широкий и символический характер. По утверждению РВИО, с идеей сооружения в столице памятника россиянам, павшим на полях Первой мировой, выступили потомки участников войны; это предложение было поддержано правительством и лично президентом. Несмотря на наличие государственного финансирования, был объявлен сбор пожертвований на постройку памятника, а также организовано интернет-голосование, призванное определить лучший проект памятника¹⁴; 15 проектов были выставлены в Музее Отечественной войны 1812 года, а затем в Центральном Музее Великой Отечественной войны в Москве. Выбор места для сооружения памятника говорит сам за себя – Парк Победы на Поклонной горе. Таким образом, память о Первой мировой войне включается в нарратив великих «отечественных» войн (заметим, кстати, что это определение использовалось когда-то и по поводу 1914-1918 гг.).

Проект памятника «Героям Первой мировой войны» (окончательный вариант) в Парке Победы, Москва (<http://histrf.ru/ru/rvio/activities/projects/item-30>).¹⁵

¹⁴ О ходе конкурса см.: <http://1914.histrf.ru/monument/voting/>. Заметим, что результаты интернет-голосования (подвергшегося, кстати, критике за возможный вброс голосов), не оказали влияния на выбор проекта-победителя. Это решение было принято профессиональным жюри: <http://zemskiy-sobor.livejournal.com/38469.html> и <http://lenta.ru/news/2013/09/18/monument/>.

¹⁵ Памятник «Героям Первой мировой войны» был торжественно открыт на Поклонной горе 1 августа 2014 г.

Проект скульптора А. Ковальчука, одержавший победу в конкурсе, развивает ключевые для создаваемого сегодня в России национального исторического нарратива темы: великая страна с тысячелетней историей, опирающаяся на традиционные ценности (во главе с православием), героизм и самопожертвование. Памятник состоит из гигантского триколора, который служит фоном для горельефов с батальными сценами, сестрой милосердия, поддерживающей раненого, и сценой проводов на фронт с участием женщин, детей и священника, благословляющего новобранцев. Использование триколора подчеркивает идею преемственности в российской государственности, независимо от смены эпох и политических режимов; вид этого ставшего привычным символом позволяет сократить дистанцию, отделяющую современных россиян от опыта этой малоизвестной войны, и облегчить идентификацию с памятью о ней.

Благодаря изображению кавалерийской и штыковой атак, а также генерала Брусилова, одного из немногих достаточно широко известных военачальников, чье имя связано с этой войной, в будущем памятнике на Поклонной горе находит также отражение тема героизма и воинской славы, неотделимая от официальных российских репрезентаций войны. Трактовка этой темы, однако, отличается здесь некоторыми особенностями: катастрофические для России результаты и последствия войны заставляют немного отступить от традиционного монументально-героического канона и попытаться затронуть тему поражения, не отказавшись при этом от идеи патриотического воспитания. Как и в ряде других коммеморативных проектов, связанных с историей этой войны, автор памятника на Поклонной горе обратился к понятиям самопожертвования и долга перед родиной – долга, выполненного воинами несмотря на политические потрясения. Эта идея нашла отражение в сцене проводов на фронт, а главное – во втором элементе памятника – стоящей вблизи триколора фигуре солдата. Символ верности воинской клятве, этот солдат, как и множество других рядовых и офицеров, по словам автора, «не виноват в тех катаклизмах, к которым эта война привела. Он не проиграл войну. Ему просто приказали из нее выйти». В том же интервью скульптор подчеркнул, что стремится сделать фигуру солдата «не таким «парадным»», чтобы подчеркнуть «ощущение тягот, через которые он прошел»¹⁶.

¹⁶ Вечерняя Москва, 18 сентября 2013 г. [<http://vm.ru/news/2013/09/18/skulptor-andrej-kovalchuk-geroj-moego-pamyatnika-ne-proigral-voynu-emu-prosto-prikazali-iz-nee-vijti-214427.html>].

Следуя, вероятно, той же логике и стремясь сделать образ солдата, не смотря на его большие размеры (около 5 м. высотой) более человечным, приблизить его к зрителям, в первоначальном проекте предусматривалось установить скульптуру почти на уровне земли. Однако в окончательном варианте она стоит на пьедестале высотой 6-7 м. Памятник претерпел, кстати, еще одно изменение: если вначале он посвящался «Героям и солдатам, павшим в Первой мировой войне», то окончательный вариант включает надпись «Героям Первой мировой войны».

б) В поисках героев

Изменения, внесенные в проект памятника на Поклонной горе, наглядно показывают, как в этом центральном коммеморативном проекте прославление героизма и отсылка к государству, выраженные в монументальном языке с явными советскими интонациями, быстро взяли верх над идеей поминовения всех павших и долга памяти.

Многие другие виды мемориальной «продукции»: памятники, выставки, фильмы – также нередко несут на себе отпечаток этой – государственной, героической, монументальной – традиции, но в них можно разглядеть существование и иных, порой противоположных тенденций, которые подразумевают поиск менее торжественного языка, более человеческого измерения. Об этом свидетельствуют, к примеру, две выставки, открывшиеся весной 2014 г. в Москве в Государственном центральном музее современной истории России и Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. На первой из них была представлена коллекция посвященных Первой мировой войне рисунков, карикатур, эскизов, большей частью созданных художниками-фронтовиками. Вторая выставка пыталась рассказать об этих событиях с помощью безмолвных «свидетелей» войны: фотографий, почтовых открыток и других предметов и документов, например, меню товарищеского обеда, устроенного британскими и русскими летчиками. Помещая в центр обычных, рядовых солдат, их военные будни, быт, чувства и переживания и отказываясь при этом от любых комментариев, отсылающих к «Большой истории», обе выставки стремятся сократить дистанцию между «забытой» войной и зрителем, предложить ему образы, задевающие за живое, вызывающие эмоции, заполняющие пустоты, – и в то же время тщательно избегают сложных вопросов и возможных камней преткновения, связанных с интерпретацией исторических событий.

Эти выставки свидетельствуют также об идущем сегодня поиске образов, лиц и имен, способных стать олицетворением этого опыта и вызвать общую, разделяемую значительной частью общества идентификацию с памятью о войне. Ведь одним из препятствий, стоящих на пути мемориализации 1914 г. в современной России, является то, что речь идет о войне, не оставившей после себя общепризнанных, бесспорных героев. Истоки этой лакуны следует искать прежде всего в последовавших за войной братоубийственных конфликтах. Многие офицеры и генералы Первой мировой оказались в рядах белого движения, и их имена впоследствии ассоциировались с образом злейших врагов советской власти, выступивших с оружием в руках против собственного народа. Сегодня в результате пересмотра истории революции и реабилитации белого движения многие из них тоже подверглись переоценке, но их чествование в качестве героев Первой мировой войны, по-видимому, не всегда находит широкого понимания в обществе¹⁷. Аналогичным образом генерал Брусиллов, примкнувший к большевикам и потому положительно оценивавшийся в советский период, сегодня осуждается некоторыми за поддержку красных.

Неудивительно, что в этих условиях попытки создать память о Первой мировой войне зачастую сопровождаются обращением к образам обычных солдат и офицеров, порой безымянных, которые будучи избавленными от ответственности за военные поражения и последующие политические решения, позволяют воплотить идею верности и жертвы во имя родины. Эта логика присутствует, например, в фильме «Батальон смерти» - главном проекте в области художественного кино, приуроченном к столетней годовщине. Этот фильм, опирающийся на реальные события, рассказывает о женщинах, которые, сражаясь в специальном отряде, продемонстрировали большое мужество и самоотречение в самый трудный момент войны, в 1917 г. Как подчеркивает это продюсер Е. Айзикович, выбор в качестве героев женщин должен позволить рассказать об этой войне «без ура-патриотизма, пушек, пулеметов, кавалерийских атак»¹⁸.

Эти и другие попытки найти места и персонажей, позволяющих воплотить память о «забытой» войне, могли бы стать предметом более углубленного анализа, который учитывал бы, в том числе региональную составляющую

¹⁷ См. полемику по поводу мемориальной доски в честь генерала Дроздовского, открытой в январе 2014 г. в Ростове-на-Дону: <http://izvestia.ru/news/563742>.

¹⁸ В. Сокирко, И. Стулов. Памяти Первой мировой / Портал Министерства культуры РФ, 27 декабря 2013 г. [<http://portal-kultura.ru/articles/country/23835-pamyati-pervoy-mirovoy/?print=Y&print=Y&CODE=23835-pamyati-pervoy-mirovoy>].

щую процессов мемориализации, проявляющуюся в поиске мест, образов, событий, способных стать мостиком между местной идентичностью и историей Первой мировой войны. Порой такие попытки вступают в конфликт с исторической политикой, проводимой представителями центральной власти. Так, недавно Псков стал полем символической битвы по поводу будущего памятника, посвященного героям Первой мировой. В декабре 2013 г. министр культуры В. Мединский «подарил» городу от имени возглавляемого им Российского военно-исторического общества памятник «солдату Первой мировой войны». В ходе того же короткого визита в Псков он выбрал место для памятника; там немедленно начались подготовительные работы по установке монумента, открытие которого должно было состояться всего несколько недель спустя. Однако сам памятник и место его возведения вызвали протесты со стороны городской общественности, причем в качестве одного из важнейших аргументов фигурировало существование другого проекта подобного памятника, который предполагалось возвести в другом месте. Помимо низкого художественного качества московского подарка предметом критики являлось то, что выбранное для его установки место не связано с историей 1914-1918 гг. в Пскове (в отличие от альтернативного проекта, который предполагалось установить перед зданием штаба Северного фронта). Критиковался также «искусственный характер» этого «пропагандистского монумента», неспособного, по мнению его противников, вызывать эмоции и идентификацию с памятью о войне.

Заключение

История будущего памятника солдатам Первой мировой войне в Пскове поднимает ряд вопросов и проблем, характерных для процессов мемориализации, наблюдаемых в современной России.

Она позволяет прежде всего лучше понять роль, которую стремится играть в этих процессах государство. Последние несколько лет государственные учреждения, а главное – созданные недавно общественные институты, претендующие на роль главных акторов государственной исторической политики (в частности, РВИО и РИО), все больше интересуются темой Первой мировой войны, долгое время находившейся на периферии русской культурной и коммеморативной жизни. Нельзя, однако, забывать, что на этой периферии действовало определенное число других акторов: частных лиц, музейных работников, представителей общественных организаций, иногда местных и региональных органов власти (не говоря о профессиональных историках, чья деятельность по изучению войны здесь не рассматривалась), – которые сегодня и радуются, и подчас опасаются такого растущего внимания.

Несмотря на сходства в дискурсе, ставящем акцент на идее «долга памяти» по отношению к павшим, и несмотря на консенсус, на первый взгляд, окружающий понятие патриотизма, смысл, которым предстоит наделять конструируемую память о Первой мировой войне, определяются по-разному различными участниками процессов мемориализации. Что является приоритетом? Прославление великого государства и сражений, из которых состояла его история? Дань памяти людям, честно выполнившим свой долг перед родиной? Оплакивание мертвых и сохранение памяти о выпавших на их долю испытаниях? Эти смыслы множественны, порой противоречивы – подобно тому как могут быть разнообразными воплощающие их символы, места, имена и образы. Разумеется, средства – медийные, финансовые, административные – находящиеся в распоряжении различных общественных институтов, участвующих в конструировании этой памяти, несопоставимы. Неудивительно поэтому, что версия, предлагаемая Москвой, кажется преобладающей...